

КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ?

Посильные соображения

Б Л И Ж А Й Ш Е Е

Часы коммунизма — своё отбили.
Но бетонная постройка его ещё не рухнула.
И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами.

МЫ — НА ПОСЛЕДНЕМ ДОКАТЕ

Кто из нас теперь не знает наших бед, хотя и покрытых лживой статистикой? Семьдесят лет влачась за слепородной и злокачественной марксо-ленинской утопией, мы положили на плахи или спустили под откос бездарно проведенной, даже самоистребительной, «Отечественной» войны — треть своего населения. Мы лишились своего былого изобилия, уничтожили класс крестьянства и его селения, мы отшибли самый смысл выращивать хлеб, а землю отучили давать урожаи, да ещё заливали её морями-болотами. Отходами первобытной промышленности мы испако-стили окружающей городов, отравили реки, озёра, рыбу, сегодня уже доко-нечно губим последнюю воду, воздух и землю, ещё и с добавкой атомной смерти, ещё и прикупая на хранение радиоактивные отходы с Запада. Разоряя себя для будущих великих захватов под обезумелым руковод-ством, мы вырубали свои богатые леса, выграбили свои несравненные недра, невосполнимое достояние наших правнуков, безжалостно распро-дали их за границу. Изнурили наших женщин на ломовых неподымных работах, оторвали их от детей, самих детей пустили в болезни, в дикость и в подделку образования. В полной запущенности у нас здоровье, и нет ле-карств, да даже еду здоровую мы уже забыли, и миллионы без жилья, и беспомощное личное бесправие разлито по всем глубинам страны, — а мы за одно только держимся: чтоб не лишили нас безумного пьянства.

Но так устроен человек, что всю эту бессмыслицу и губление нам посильно сносить хоть и всю нашу жизнь насквозь — а только бы кто не посягнул обидеть, затронуть нашу н а ц и ю! Тут — уже нас ничто не удержит в извечном смирении, тут мы с гневной смелостью хватаем кам-ни, палки, пики, ружья и кидаемся на соседей поджигать их дома и уби-вать. Таков человек: ничто нас не убедит, что наш голод, нищета, ранние смерти, вырождение детей — что какая-то из этих бед первой нашей национальной гордости!

И вот почему, берясь предположить какие-то шаги по нашему вы-здоровлению и устройству, мы вынуждены начинать не со сверлящих язв, не с изводящих страданий — но с ответа: а как будет с нациями? в каких географических границах мы будем лечиться или умирать? А уже потом — о лечении.

А ЧТО ЕСТЬ РОССИЯ?

Эту «Россию» уже затрепали-затрепали, всякий её прикликает ни к ляду, ни к месту. И когда чудовище СССР лез захватывать куски Азии или Африки — тоже во всём мире твердили: «Россия, русские...»

А что же именно есть Россия? Сегодня. И — завтра (ещё важней). К т о сегодня относит себя к будущей России? И г д е видят границы России сами русские?

За три четверти века — при вдолбляемой нам и прогрохоченной «социалистической дружбе народов» — коммунистическая власть столько запустила, запутала и намерзла в отношениях между этими народами, что уже и путей не видно, как нам бы вернуться к тому, с прискорбным

исключением, спокойному сожитию наций, тому даже дремотному неразличению наций, какое было почти достигнуто в последние десятилетия предреволюционной России. Ещё б, может, и не упущено разобраться и уладить — да не в той лихой беде, как буре, завертевшей нас теперь. Сегодня видится так, что мирней и открытей для будущего: кому надо бы разойтись на отдельную жизнь, так и разойтись. И именно при этом всеместном национальном изводе, заслоняющем нам остальную жизнь, хоть пропади она, при этой страсти, от которой сегодня мало кто в нашей стране свободен.

Увы, многие мы знаем, что в коммунальной квартире порой и жить не хочется. Вот — так сейчас у нас накалено и с нациями.

Да уже во многих окраинных республиках центробежные силы так разогнаны, что не остановить их без насилия и крови — да и не надо удерживать такой ценой! Как у нас всё теперь поколесилось — так всё равно «Советский Социалистический» развалится, в с ё р а в н о! — и выбора настоящего у нас нет, и размышлять-то не над чем, а только — поворачиваться проворней, чтоб упредить беды, чтобы раскол прошёл без лишних страданий людских, и только тот, который уже действительно неизбежен.

И так я вижу: надо безотложно, громко, чётко объявить: три прибалтийских республики, три закавказских республики, четыре среднеазиатских, да и Молдавия, если её к Румынии больше тянет, эти одиннадцать — да! — *непрерывно и бесповоротно будут отделены.* (А о процессе отделения — страницами ниже.)

О Казахстане. Сегодняшняя огромная его территория нарезана была коммунистами без разума, как попада: если где кочевые стада раз в год проходят — то и Казахстан. Да ведь в те годы считалось: это совсем неважно, где границы проводить, — ещё немножко, вот-вот, и все нации сольются в одну. Проницательный Ильич-первый называл вопрос границ «даже десятистепенным». (Так — и Карабах отрезали к Азербайджану, какая разница — куда, в тот момент надо было угодить сердечному другу Советов — Турции.) Да до 1936 года Казахстан ещё считался автономной республикой в РСФСР, потом возвели его в союзную. А составлен-то он — из южной Сибири, южного Приуралья да пустынных центральных просторов, с тех пор преображённых и восстроенных — русскими, зэками да ссыльными народами. И сегодня во всём раздутым Казахстане казахов — заметно меньше половины. Их сплотка, их устойчивая отечественная часть — это большая южная дуга областей, охватывающая с крайнего востока на запад почти до Каспия, действительно населённая преимущественно казахами. И коли в этом охвате они захотят отделиться — то и с Богом.

И вот за вычетом этих двенадцати — только и останется то, что можно назвать Р у с ь, как называли издавна (слово «русский» веками обнимало малороссов, великороссов и белорусов), или — Россия (название с XVIII века), или, по верному смыслу теперь: Российский Союз.

И всё равно — ещё останется в нем сто народов и народностей, от вовсе немалых до вовсе малых. И вот тут-то, с этого порога — можно и надо проявить нам всем великую мудрость и доброту, только от этого момента можно и надо приложить все силы разумности и сердечности, чтоб утвердить плодотворную содружность наций, и цельность каждой в ней культуры, и сохранность каждого в ней языка.

СЛОВО К ВЕЛИКОРОССАМ

Ещё в начале века наш крупный государственный ум С.Е. Крыжановский предвидел: «Коренная Россия не располагает запасом культурных и нравственных сил для ассимиляции всех окраин. Это истощает русское национальное ядро».

А ведь то сказано было — в богатой, цветущей стране, и прежде всех миллионных истреблений нашего народа, да не слепо подряд, а уцеленно выбивавших самый русский *отбор*.

А уж сегодня это звучит с тысячекратным смыслом: нет у нас сил на окраины, ни хозяйственных сил, ни духовных. Нет у нас сил на Империю! — и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель.

Я с тревогой вижу, что пробуждающееся русское национальное самосознание во многих доле своей никак не может освободиться от страннодержавного мышления, от имперского дурмана, переняло от коммунистов никогда не существовавший дутый «советский патриотизм» и гордится той «великой советской державой», которая в эпоху чупки Ильича-второго только изглодала последнюю производительность наших десятилетий на бескрайние и никому не нужные (и теперь вхолостую уничтожаемые) вооружения, опозорила нас, представила всей планете как лютого, жадного, безмерного захватчика — когда наши колени уже дрожат, вот-вот мы свалимся от бессилия. Это вреднейшее искривление нашего сознания: «зато большая страна, с нами везде считаются», — это и есть, уже при нашем умирании, беззаветная поддержка коммунизма. Могла же Япония примириться, отказаться и от международной миссии и от заманчивых политических авантюры — и сразу расцвела.

Надо теперь жёстко в ы б р а т ь: между Империей, губящей прежде всего нас самих, — и духовным и телесным спасением нашего же народа. Все знают: растёт наша смертность, и превышает рождения, — мы так исчезнем с Земли! Держать великую Империю — значит вымертвлять свой собственный народ. Зачем этот разнопёстрый сплав? — чтобы русским потерять своё неповторимое лицо? Не к широте Державы мы должны стремиться, а к ясности нашего духа в остатке её. Отделением двенадцати республик, этой кажущейся жертвой, — Россия, напротив, освободит сама себя для драгоценного *внутреннего* развития, наконец обратит внимание и прилежание на саму себя. Да в нынешнем смещении — какая надежда и на сохранение, развитие русской культуры? всё меньшая, всё идёт — в перемес и в перемол.

К сожалению, этот мираж «единонеделимства» 70 лет несла через свою нищету и беды и наша стойкая, достойная русская эмиграция. Да ведь для «единонеделимца» 1914 года — и Польша «наша» (взбалмошная фантазия Александра I «осчастливить» её своим попечительством), и никак «отдать» её нельзя. Но кто возьмётся настаивать на этом сегодня? Неужели Россия обеднела от отделения Польши и Финляндии? Да только распрямилась. И так — ещё больше распрямимся от давящего груза «среднеазиатского подбрюшья», столь же необдуманного завоевания Александра II, — лучше б эти силы он потратил на недостроенное здание своих реформ, на рождение подлинно народного земства.

Наш философ этого века Ив.А.Ильин писал, что духовная жизнь народа важнее охвата его территории или даже хозяйственного богатства; выздоровление и благоденствие народа несравненно дороже всяких внешних престижных целей.

Да окраины уже реально отпадают. Не ждать же нам, когда наши беженцы беспорядочно хлынут оттуда уже миллионами.

Надо перестать попугайски повторять: «мы гордимся, что мы русские», «мы гордимся своей необъятной родиной», «мы гордимся...». Надо понять, что после всего того, чем мы заслуженно гордились, наш народ отдался духовной катастрофе Семнадцатого года (шире: 1915—1932), и с тех пор мы — до жалкости не прежние, и уже нельзя в наших планах на будущее заноситься: как бы восстановить государственную мощь и внешнее величие прежней России. Наши деды и отцы, «втыкая штык в землю» во время смертной войны, дезертируя, чтобы пограбить соседей у себя дома, — уже тогда *сделали выбор* за нас — пока на одно столетие, а то, смотри, и на два. Не гордиться нам и советско-германской войной, на которой мы уложили за 30 миллионов, вдесятеро гуще, чем враг, и только утвердили над собой деспотию. Не «гордиться» нам, не протягивать лапы к чужим жизням — а осознать свой народ в провале измощающей болезни, и молиться, чтобы послал нам Бог выздороветь, и разум действий для того.

А если верно, что Россия эти десятилетия отдавала свои жизненные соки республикам, — так и хозяйственных потерь мы от этого не понесём, только экономия физических сил.

СЛОВО К УКРАИНЦАМ И БЕЛОРУСАМ

Сам я — едва не на половину украинец, и в ранние годы рос при звуках украинской речи. А в скорбной Белоруссии я провёл большую часть своих фронтовых лет, и до пронзительности полюбил её печальную скудость и её кроткий народ.

К тем и другим я обращаюсь не извне, а как *свой*.

Да народ наш и разделялся на три ветви лишь по грозной беде монгольского нашествия да польской колонизации. Это всё — придуманная невдалне фальшь, что чуть не с IX века существовал особый украинский народ с особым не-русским языком. Мы все вместе истекли из драгоценного Киева, «откуда русская земля стала есть», по летописи Нестора, откуда и засветило нам христианство. Одни и те же князья правили нами: Ярослав Мудрый разделял между сыновьями Киев, Новгород и всё протяжение от Чернигова до Рязани, Мурома и Белоозера; Владимир Мономах был одновременно и киевский князь и ростово-суздальский; и такое же единство в служении митрополитов. Народ Киевской Руси и создал Московское государство. В Литве и Польше белорусы и малороссы признавали себя русскими и боролись против ополяченья и окатоличенья. Возврат этих земель в Россию был всеми тогда осознаваем как *Воссоединение*.

Да, больно и позорно вспомнить указы времён Александра II (1863, 1876) о запрете украинского языка в публицистике, а затем и в литературе, — но это не продержалось долго, и это было из тех умопомрачных окостенений и в управительной, и в церковной политике, которые подготавливали падение российского государственного строя.

Однако и суетно-социалистическая Рада 1917 года составила соглашение политиков, а не была народно избрана. И когда, переступив от федерации, объявила выход Украины из России — она не опрашивала всенародного мнения.

Мне уже пришлось отвечать эмигрантским украинским националистам, которые втверживают Америке, что «коммунизм — это миф, весь мир хотят захватить не коммунисты, а русские» (и вот — «русские» уже захватили Китай и Тибет, так и стоит уже 30 лет в законе американского Сената). Коммунизм — это такой *миф*, который и русские, и украинцы испытали на своей шее в застенках ЧК с 1918 года. Такой *миф*, что выгреб в Поволжье даже семенное зерно, и отдал 29 русских губерний засухе и вымирательному голоду 1921–22 года. И тот же самый *миф* предательски затолкал Украину в такой же беспощадный голод 1932–33. И вместе перенеся от коммунистов общую кнуто-расстрельную коллективизацию, — неужели мы этими кровными страданиями не соединены?

В Австрии и в 1848 галичане ещё называли свой национальный совет — «Головна Русска Рада». Но затем в отторгнутой Галиции, при австрийской подтравке, были выращены искажённый украинский ненародный язык, напшигованный немецкими и польскими словами, и соблазн отучить карпатороссов от русской речи, и соблазн полного всеукраинского сепаратизма, который у вождей нынешней эмиграции прорывается то лубочным невежеством, что Владимир Святой «был украинец», то уже невменяемым накалом: нехай живе коммунизм, абы сгубились москали!

Ещё бы нам не разделить боль за смертные муки Украины в советское время. Но откуда этот замах: по живому отрубить Украину (и ту, где сроду старой Украины не было, как «Дикое Поле» кочевников — Новороссия, или Крым, Донбасс и чуть не до Каспийского моря). И если «самоопределение нации» — так нация и должна свою судьбу определять с а м а. Без всенародного голосования — этого не решить.

Сегодня отделять Украину — значит резать через миллионы семей и людей: какая перемесь населения; целые области с русским

перевесом; сколько людей, затрудняющихся выбрать себе национальность из двух; сколько — смешанного происхождения; сколько смешанных браков — да их никто «смешанными» до сих пор не считал. В толще основного населения нет и тени нетерпимости между украинцами и русскими.

Братья! Не надо этого жестокого раздела! — это помрачение коммунистических лет. Мы вместе перетрадали советское время, вместе попали в этот котлован — вместе и выберемся.

И за два века — какое множество выдающихся имён на пересечении наших двух культур. Как формулировал М.П. Драгоманов: «Неразделимо, но и не смешимо». С дружелюбием и радостью должен быть распахнут путь украинской и белорусской культуре не только на территории Украины и Белоруссии, но и Восточной России. Никакой насильственной русификации (но и никакой насильственной украинизации, как с конца 20-х годов), ничем не стеснённое развитие параллельных культур, и школьные классы на обоих языках, по выбору родителей.

Конечно, если б украинский народ действительно пожелал отделиться — никто не посмеет удерживать его силой. Но — разнообразна эта обширность, и только местное население может решать судьбу своей местности, своей области, — а каждое новообразуемое при том национальное меньшинство в этой местности — должно встретить такое же ненасилие к себе.

Всё сказанное полностью относится и к Белоруссии, кроме того, что там не распяляли безоглядного сепаратизма.

И ещё: поклониться Белоруссии и Украине мы должны за чернобыльское бедовище, учинённое карьеристами и дураками советской системы, — и исправлять его, чем сможем.

СЛОВО К МАЛЫМ НАРОДАМ И НАРОДНОСТЯМ

И после всех отделений наше государство всё равно, неизбежно, останется многонародным, хотя мы не гонимся за тем.

Для некоторых, даже и крупных, наций, как татары, башкиры, удмурты, коми, чуваша, мордва, марийцы, якуты, — почти что и выбора нет: непрактично существовать государству, в круговую охваченному другим. У иных национальных областей — будет внешняя граница, и если они захотят отделяться — запрета не может быть и здесь. (Да ещё и не во всех автономных республиках коренная народность составляет большинство.) Но при сохранении всей их национальной самобытности в культуре, религии, экономике — есть им смысл и остаться в Союзе.

Как показало в XX веке создание многих малых государственных образований — это непосильно обременяет их избытком учреждений, представительства, армией, отсекает от пространств территорий разворота торговли и общественной деятельности. Так и горские кавказские народы, пред революцией столь отличавшиеся в верности российскому трону, вероятно ещё поразмыслят, есть ли расчет им отделяться. Не крупный Российский Союз нуждается в примыкании малых окраинных народов, но они нуждаются в том больше. И — исполать им, если хотят с нами.

В советской показной и лживой государственной системе присутствуют, однако, и верные, если честно их исполнять, элементы. Таков — Совет Национальностей, палата, где должен быть услышан, не потеряв голос и самой наималейшей народности. И вместе с тем справедлива нынешняя иерархия: «союзных республик» — автономных республик — автономных областей — и национальных округов. Численный вес народа не должен быть в пренебрежении, отказываться от этой пропорциональности — путь к хаосу; так может прозябать ООН, но не жизнеспособное государство.

Крымским татарам, разумеется, надо открыть полный возврат в Крым. Но при плотности населения XXI века Крым вместителен для 8–10 миллионов населения — и стотысячный татарский народ не может себе требовать владения им.

И наконец — наималейшие народности: ненцы, пермяки, эвенки, манси, хакасцы, чукчи, коряки... и не перечислить всю дробность. Все они благополучно жили в царской «тюрьме народов», а к вымиранию поволокли их мы, коммунистический Советский Союз. Сколько зла причинила им окаянщина нашей администрации и наша хищная и безмозглая индустрия, неся гибель и отраву их краям, выбивая из-под этих народностей последнюю жизненную основу, особенно тех, чей объём так угрожающе мал, что не даёт им бороться за выживание. Надо успеть — подкрепить, оживить и спасти их! Ещё не вовсе поздно.

Каждый, и самый малый, народ — есть неповторимая грань Божьего замысла. Перелагая христианский завет, Владимир Соловьев написал: «Люби все другие народы, как свой собственный».

XX век содрогается, разворачивается от политики, освободившей себя от всякой нравственности. Что требуется от любого порядочного человека, от того освобождены государства и государственные мужи. Пришёл крайний час искать более высокие формы государственности, основанные не только на эгоизме, но и на сочувствии.

ПРОЦЕСС РАЗДЕЛЕНИЯ

Итак, о б ъ я в и т ь о несомненном праве на полное отделение тех двенадцати республик — надо безотлагательно и твёрдо. А если какие-то из них заколеблются, отделяться ли им? С той же несомненностью вынуждены объявить о *нашем* отделении от них — мы, оставшиеся. Это — уже слишком назрело, это необратимо, будет взрываться то там, то сям; все уже видят, что вместе нам не жить. Так не длить взаимное обременение.

Ещё этот мучительный и затратный процесс разделения отяжелит первый переходный период для всех нас, первую пору нового развития: сколько ещё нужно средств, средств, когда их и так нет. Однако лишь это разделение прояснит нам прозор будущего.

Но самого реального отделения нельзя произвести никакой одноминутной декларацией. Всякое одностороннее резкое действие — это повреждение множества человеческих судеб и взаимный развал хозяйства. И это не должно быть похоже, как бежали португальцы из Анголы, отдав её беспорядку и многолетней гражданской войне. С этого момента должны засесть за работу комиссии экспертов всех сторон. Не забудем и: как безответственно-небрежна была советская прометка границ. В каких-то местах может понадобиться уточнённая, по истинному расселению, в каких-то — и местные плебисциты под беспристрастным контролем.

Конечно, вся эта разборка может занять несколько лет.

Перед миллионами людей встанет тяжёлый вопрос: оставаться, где они живут, или уезжать? — а это связано с разорением всей их жизни, быта и нуждой в значительной помощи. (И не только для русских с окраин, но и окраинных уроженцев, живущих ныне в России.) Куда ехать? где новый кров? как дожить до новой работы? Это должно стать не личной бедой, а заботой вот этих комиссий экспертов и государственных компенсаций. И каждое новосозданное государство должно дать чёткие гарантии прав меньшинств.

И ещё сложнее: как наладится безболезненная разъёмка народных хозяйств или установление торгового обмена и промышленного сотрудничества на независимой основе.

И вот только в ходе этой работы и даже лишь по окончании её перед каждым государственным образованием подымутся его подлинные Проблемы, а не тот заядлый «национальный вопрос», который так натёршею нам теперь, что перекошил все чувства и всю действительность.

Из того будущего разительные неожиданности проступают нам и сейчас. Так нетерпеливо жаждет национальной независимости Грузия! (Впрочем, Россия не завоёвывала её насильственно, а только Ленин в 1921.) А вот уже сегодня: притеснение абхазцев, притеснение осетин и недопуск на исконную родину высланных Сталиным месхов, — неужели это и есть желанная национальная свобода?

За что б мы ни взялись, над *чем* бы ни задумались в современной политической жизни — никому из нас не ждать добра, пока наша жестокая воля гонится лишь за нашими *интересами*, упуская не то что Божью справедливость, но самую умеренную нравственность.

НЕОТЛОЖНЫЕ МЕРЫ РОССИЙСКОГО СОЮЗА

За три четверти века так выбедняли мы, засквернели, так устали, так отчаялись, что у многих опускаются руки, и уже кажется: только вмешательство Неба может нас спасти.

Но не посылается Чудо тем, кто не силится ему навстречу.

И судьба наших детей, и наша воля к жизни, и наше тысячелетнее прошлое, и дух наших предков, перелившийся же как-то в нас, — помогут найти силы преодолеть и это, и это всё.

И хоть не отпущено нам времени размышлять о лучших путях развития и составлять размеренную программу, и обречены мы колотиться, метаться, затыкать пробоины, обтесняют нас первосущные нужды, вопиющие каждая о своём, о своём, — не должны мы терять хладнокровия и предусмотрительной мудрости в выборе первых мер.

Я не берусь в одиночку перечислять их: должны сойтись на совет здравые практические умы, на сотрудничество — лучшие энергии. Рыдает всё в нашем сегодняшнем хозяйстве, и надо искать ему путь, без этого жить нельзя. И надо же скорей открыть людям трудовой смысл, ведь уже полвека никому нет никакого расчёта работать! и некому хлеб выращивать, и некому за скотом ходить. И миллионы обитают так, что и жилищами назвать нельзя, или по двадцать лет в гнойных общежитиях. И нищенствуют все старики и инвалиды. И загажены наши дивные когда-то просторы промышленными свалками, изрыты чудовищным бездорожьём. И мстит природа, неблагодарно презренная нами, и расплозуются радиоактивные пятна Чернобыля, да не только его.

И ко всему теперь вот — готовить переселение соотечественникам, теряющим жительство? Да, неизбежно.

И — откуда же набрать средств?

А: до каких же пор мы будем снабжать и крепить — неспособные держаться тиранические режимы, насаженные нами в разных концах Земли, — этих бездонных расхитчиков нашего достояния? — Кубу, Вьетнам, Эфиопию, Анголу, Северную Корею, нам же — до всего дело! и это ещё не все названы, ещё тысячами околачиваются наши «советники», где ни попало. И столько крови пролито в Афганистане — жалко и его упустить? гони деньги и туда?.. Это всё — десятки миллиардов в год.

Вот кто *на это* даст отрубный единомгновенный отказ — вот это будет государственный муж и патриот.

А до каких пор и зачем нам выдувать всё новые, новые виды наступательного оружия? да всеокеанский военный флот? Планету захватывать? А это всё — уже сотни миллиардов в год. И это тоже надо отрубить — в одночас. Может подождать — и Космос.

А ещё — льготное снабжение Восточной Европы нашим на всё страдательным сырьём. Пожили «социалистическим лагерем» — и хватит. За страны Восточной Европы — радуемся, и пусть живут и цветут свободно, — а платят за всё по мировым ценам.

И этого мало? Так пресечь безоглядные капитальные вложения в промышленность, не успевающие ожить.

Наконец — необозримое имущество КПСС, об этом уже все говорят. Награбили народного добра за 70 лет, попользовались. Конечно, уже не вернут ничего растраченного, разбросанного, расхищенного, — но отдайте хоть что осталось: здания, и санатории, и специальные фермы, и издательства, — и живите на свои членские взносы. (И за чисто партийный стаж — платите и пенсии сами, не от государства.)

И всю номенклатурную бюрократию, многомиллионный тунеядный управительный аппарат, костенящий всю народную жизнь, — с их высокими зарплатами, поблажками да специальными магазинами, — кончаем кормить? Пусть идут на полезный труд, и сколько выручат. При

новом порядке жизни четыре пятых министерств и комитетов тоже не станут нужны.

Вот отовсюду от этого — и деньги.

А на что ушло пять, скоро шесть лет многошумной «перестройки»? На жалкие внутрикашные перестановки. На склёпку уродливой, искусственной избирательной системы, чтобы только компартии не уступить власть. На оплошные, путанные и нерешительные законы.

Нет, не откроется народного пути даже к самому неотложному, и ничего дельного мы не достигнем, пока коммунистическая ленинская партия не просто уступит пункт конституции — но полностью устранилась от всякого влияния на экономическую и государственную жизнь, полностью уйдёт от управления нами, даже какой-то отраслью нашей жизни или местностью. Хотелось бы, чтоб это произошло не силовым выжиманием и вышибанием её — но её собственным публичным раскаянием: что цепью преступлений, жестокостей и бессмыслия она завела страну в пропасть и не знает путей выхода. Вот чему пора, а не состраивать теперь для позорной преемственности новую РКП, принимать всю кровь и грязь на русское имя и волочиться против хода истории. Такое публичное признание партией своей вины, преступности и беспомощности стало бы хоть первым разрежением нашей густо-гнетущей моральной атмосферы.

А ещё высится над нами — гранитная громада КГБ, и тоже не пускает нас в будущее. Прозрачны их уловки, что именно сейчас они особенно нужны — для международной разведки. Все видят, что как раз наоборот. Вся цель их — существовать для себя, и подавлять всякое движение в народе. Этому ЧКГБ с его кровавой 70-летней злодейской историей — нет уже ни оправдания, ни права на существование.

ЗЕМЛЯ

Для чего-то же дано земле — чудесное, благословенное свойство плодородия. И — потеряны те скопления людей, кто не способен взять от неё это свойство.

Земля для человека содержит в себе не только хозяйственное значение, но и нравственное. Об этом убедительно писали у нас Глеб Успенский, Достоевский, да не только они.

Ослабление тяги к земле — большая опасность для народного характера. А ныне крестьянское чувство так забито и вытравлено в нашем народе, что, может быть, его уже и не воскресить, опоздано-перепоздано.

Как вводится сегодняшняя аренда — больше обман и издевательство, ни толку ни ряду, только хуже погубят охоту у людей, потянувшихся к земле. Арендаторы остаются в гниющей зависимости от колхозно-совхозных властей, и те могут вволю беззаконствовать. Под аренду выделяются часто худшие, заброшенные земли, и подороже берут за них, и инвентарь по завышенной цене, а продукцию вынуждают сдавать подешевле; то не дают обещанных кормов, то отбирают взятых на откорм животных, пропали и труд, и деньги; и «сельхозтехника» может внезапно нарушить договор. Да участок земли — это ещё не свобода крестьянина, нужен же и свободный рынок, и доступный транспорт, и кредит, и ремонт техники, и строительный материал.

За все реформы мы берёмся как похуже — так и тут. Только губят дело и отбивают у людей последнюю веру в обещания власти.

Вообще по сравнению с колхозами — личная аренда (и не от колхозов, а от местного самоуправления) несомненный шаг к улучшению нашего сельского хозяйства. В норме, установленной для данной местности (в соответствии с кадастром), — аренда пожизненная и с неограниченной передачей по наследству; с отображением участка лишь в случае небрежного землеустройства, но не от болезни семьи арендатора; с правом добровольного отказа от участка — и в этом случае оплатой арендатору того, что он вложил в землю и возвёл на ней. (И для всего этого совсем не нужен специальный административный аппарат над арендаторами: подобные случаи не будут многочисленны, и с ними управится местное земство.)

Однако при нынешней нашей отвычке от земли (и оправданном недоверии к властям, уже столько раз обманывавшим) — арендой, может быть, уже людей и не привлечь. К тому ж земельная аренда и не выдерживает экономической конкуренции с частной собственностью на землю, при которой и гарантировано длительное улучшение земли, а не истощение, и только при ней мы можем рассчитывать, что наше сельское хозяйство не будет уступать западному. И предвидя и требуя самодеятельности во всех областях жизни — как же не допустить её с землёй? Отказать деревне в частной собственности — значит закрыть её уже навсегда.

Но введение её должно идти с осторожностью. Уже при Столыпине были строгие ограничения, чтобы земля попадала именно в руки крестьян-земледельцев, а не крупных спекулянтов или на подставные имена, через «акционерные общества». А сегодня искоренено наше крестьянское сословие, вымерло; и больше развязанной ловкости у анонимных спекулянтов из теневой экономики, уже накопивших первичные капиталы; и нынешняя подкупная администрация не способна на чёткий кон троль, — сегодня, под маркой же «акционерных обществ», «организаций», «кооперативов», могли бы скупать едва ли не латифундии и затем сажать арендаторов уже от себя. (Не говоря уже о покупке земли иностранцами.) Такие покупки во всяком случае не должны быть допущены. Если земля окажется расхвачена крупными владельцами — это сильно стеснит жизнь остальных. (Да и не можем мы такое допустить в предвидении близкого перенаселения всей планеты, тогда и нашей страны.)

Покупка земли должна производиться со льготами многолетней рассрочки, и в налогах тоже. Ограничение земельного участка предельными (для данной местности) размерами — само по себе никак не стесняет трудового смысла и трудовой свободы. Напротив: усилия каждого хозяина будут направлены не на широту владения, а на улучшение обработки, интенсивность методов. Что наши люди могут при этом — и в самых изнудительно-враждебных стеснениях от власти — творить чудеса, уже показано на крохотных приусадебных клочках, кормивших страну при дутой колхозной системе.

Ограничение размеров оставляет земельные резервы для раздачи малых участков земли — и рабочим, желающим иметь свой огородный урожай, и горожанам, ищущим отдушину от закупоренной жизни. И эта раздача — должна быть бесплатной (только бы обрабатывали!); этот же размер входил бы бесплатной частью и земледельцам, покупающим землю.

И для всех них — земля должна найтись.

ХОЗЯЙСТВО

Столыпин говорил: нельзя создать правового государства, не имея прежде независимого гражданина: социальный порядок первичней и раньше всяких политических программ.

А — независимого гражданина не может быть без частной собственности.

За 70 лет в наши мозги втравили бояться собственности и чураться наёмного труда как нечистой силы — это большая победа Идеологии над нашей человеческой сущностью. (Как и весь облик западной экономики внедряли в наши мозги карикатурно.)

Но обладание умеренной собственностью, не подавляющей других, — входит в понятие личности, дает ей устояние. А добросовестно выполненный и справедливо оплаченный наёмный труд — есть форма взаимопомощи людей и ведет к доброжелательности между ними.

И зачем нам еще цепляться за централизованную холостую, идеологически «регулируемую» экономику, приведшую всю страну к нищете? — только чтобы содержать паразитический аппарат, иначе ему не останется и последнего оправдания?

Конечно, тот удар, который испытают миллионы неготовых непривычных людей от перехода к рыночной экономике, должен быть предельно смягчён. К счастью (к несчастью!), у нас есть для этого тот многомиллиардный валютный отток бюджета, только что перечислено, на что мы его распрощаем.

Скоро шесть лет — а шумливая «перестройка» еще ведь и не коснулась целебным движением ни сельского хозяйства, ни промышленности. А ведь эта растяжка — это годы страдания людей, вычеркиваемые из жизни.

Но и перенимать бездумным перехватом чужой тип экономики, складывавшийся там веками и по стадиям, — тоже разрушительно. Я не имею экономических знаний и менее всего отваживаюсь тут на точные предложения. Какой именно процедурой возможен переход от сплошь государственных предприятий к частным и кооперативным; какие тут финансовые условия должны быть предусмотрены; что именно из нынешнего государственного имущества останется в руках государства, в том числе из транспорта, флота, лесов, вод, земель, недр, а в какой доле они должны быть уступлены ведению областному и местному; на чьем бюджете будет социальное обеспечение, образование, жилищное строительство; какие потребуются новые трудовые законы, — о том есть уже много конкретных разработок у экономистов, хотя друг с другом и сильно несогласных.

Но в общем виде мне кажется ясным, что надо дать простор здоровой частной инициативе и поддерживать и защищать все виды мелких предприятий, на них-то скорей всего и расцветут местности, — однако твёрдо ограничить законами возможность безудержной концентрации капитала, ни в какой отрасли не дать создаваться монополиям, контролю одних предприятий над другими. Монополизация грозит ухудшением товаров: фирма может позволить себе, чтобы спрос не угасал, выпускать изделия недолговечные. Веками гордость фирм и владельцев вещей была неизносность товаров, ныне (на Западе) — оглушающая вереница всё новых, новых кричащих моделей, а здоровое понятие *ремонта* — исчезает: едва подпорченная вещь вынужденно выбрасывается и покупается новая, — прямо напротив человеческому чувству самоограничения, прямой разврат.

К этому надо добавить ещё и психологическую чуму роста цен — это в развитых-то странах: при росте производительности труда — цены не падают, а растут! пожирающее экономическое пламя, а не прогресс. (Старая Россия по веку жила с неизменными ценами.)

Нельзя допустить напор собственности и корысти — до социального зла, разрушающего здоровье общества. Противомонопольным законодательством необходимо в пределах любого вида производства регулировать непомерный рост сильно укрупнёнными налогами. Банки — нужны как оперативные центры финансовой жизни, но — не дать им превратиться в ростовщические наросты и стать негласными хозяевами всей жизни.

Так же в общем виде кажется ясным, что ценою нашего выхода из коммунизма не должна быть кабальная раздача иностранным капиталистам ни наших недр, ни поверхности нашей земли, ни, особенно, — лесов. Это опаснейшая идея: что загублено нашим внутренним беспорядком — теперь пытаться спасти через иностранный капитал. Он будет литься к нам тогда, когда обнаружит у нас для себя высокую прибыльность. Но не заманивать к нам западный капитал на условиях, льготных для него и унижительных для нас, только придите и владейте нами, — этой расторговли потом не исправить, обратимся в колонию. (Хотя: за советские три четверти века мы и скатились на уровень колонии, а какой же иной?..) Допускать его — в твёрдом русле: чтобы вносимое им экономическое оживление не превышалось ни уносимой прибылью, ни разорением нашей природной среды. Тогда и мы ускорим наше качественное выравнивание с развитыми странами.

Но — не окончательно же забыты и забыты трудовые свойства нашего народа. Видим мы, как японцы вышли из падения и даже взнеслись не иностранными вливаниями, а своей высокой трудовой моралью. Как

только снимется государственный гнёт над каждым нашим действием и оплата станет справедливой — сразу поднимется качество труда и повсюду засверкают наши умельцы. Если и нескоро мы достигнем такого уровня, чтоб наши товары имели международный спрос, — то для страны нашего размера и богатства возможно немалое время обходиться и внутренним рынком.

Однако никакая нормальная хозяйственная жизнь, разумеется, несовместима с нынешней рабской милицейской «пропиской».

Надо нам научиться уважать (и отличать от хищничества, на взятках, в обокрад управленческой рухляди) — здоровую, честную, умную частную торговлю: она — живит и скрепляет общество, она нужна нам из первых.

Я вовсе не берусь высказывать предположений по вопросам финансовым, бюджетным и налоговым. Но ясно, что наряду со строгим природоохранным надзором и ощутимыми штрафами за порчу окружающей среды — должны финансово поощряться все природоустроительные усилия и восстановление традиционных производственных ремёсел.

ПРОВИНЦИЯ

Станет или не станет когда-нибудь наша страна цветущей — решительно зависит не от Москвы, Петрограда, Киева, Минска, — а от провинции. Ключ к жизнеспособности страны и к живости её культуры — в том, чтоб освободить провинцию от давления столиц, и сами столицы, эти болезненные гиганты, освободились бы от искусственного переотягочения своим объёмом и необозримостью своих функций, что лишает и их нормальной жизни. Да они не сохранили и нравственных оснований подменять собой возрожденье страны, после того как провинция на 60 лет была отдана голоду, унижениям и ничтожности.

Вся провинция, все просторы Российского Союза вдобавок к сильному (и всё растущему по весу) самоуправлению должны получить полную свободу хозяйственного и культурного дыхания. Наша родина не может жить самоценно иначе, как если укрепятся, скажем, сорок таких рассеянных по её раскинутости жизненных и световых центров для своих краёв, каждый из них — средоточие экономической деятельности и культуры, образования, самодостаточных библиотек, издательств, — так чтобы всё окружное население могло бы получать полноценное культурное питание, и окружная молодёжь для своего обучения и роста — всё не ниже качеством, чем в столицах. Только так может соразмерно развиваться большая страна.

Вокруг каждого из таких сорока городов — выникнет из обморока и самобытность окружного края. Только при таком рассредоточении жизни начнут повсюду восстанавливаться загубленные и строиться новые местные дороги, и городки, и сёла вокруг.

И это особенно важно — для необъятной Великой Сибири, которую мы с первых же пятилеток ослеплённо безумно калечили вместо благоденственного развития.

И здесь, как и во многом, наш путь выздоровления — с н и з о в.

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Хотя неотложно всё, откуда гибель сегодня, — а ещё неотложней закладка долгорастущего: за эти годы нашего кругового навёрстывания — что будет тем временем созреть в наших детях? от детской медицины, раннего выращивания детей — и до образования? Ведь если э т о г о не поправить сейчас же, то и никакого будущего у нас не будет.

О многобедственном положении женщины у нас — знают все, и все уже говорят, тут нет разнотолковщины, и нечего доказывать. И о падении рождаемости, о детской смертности, и о болезненности рождённых, об ужасающем состоянии родильных домов, ясель и детских садов.

Нормальная семья — у нас почти перестаёт существовать. А болезнь семьи — это становая болезнь и для государства. Сегодня семья — основное звено спасения нашего будущего. Женщина — должна иметь возможность вернуться в семью для воспитания детей, таков должен быть мужской заработок. (Хотя при ожидаемой безработице первого времени это не удастся так прямо: иная семья и рада будет, что хоть женщина сохранила пока работу.)

И такая ж неотсрочная наша забота — школа. Сколько мы выдуривались над ней за 70 лет! — но редко в какие годы она выпускала у нас знающих, и то лишь по доле предметов, да и таких-то — только в отобранных школах крупных городов, а Ломоносову провинциальному, а тем более деревенскому — сегодня никак бы не появиться, не пробиться, такому — нет путей (да прежде всего — «прописка»). Подъятие школ должно произойти не только в лучших столичных, но — упорным движением от низжайшего уровня и на всех просторах родины. Эта задача — никак не отложнее всех наших экономических. Школа наша давно плохо учит и дурно воспитывает. И недопустимо, чтобы должность классного воспитателя была почти не оплаченным добавочным бременем: она должна быть возмещена уменьшением требуемой с него учебной нагрузки. Нынешние программы и учебники по гуманитарным наукам все обречены если не на выброс, то на полнейшую переработку. И атеистическое вдалбливание должно быть прекращено немедленно.

А начинать-то надо ещё и не с детей — а с учителей, ведь мы их-то всех забросили за край прозябания, в нищету; из мужчин, кто мог, ушли с учительства на лучшие заработки. А ведь школьные учителя должны быть отборной частью нации, призванные к тому: им вручается всё наше будущее. (А — в каких институтах мы учили нынешних, и какой идеологической дребедени? Начинать менять, спасать истинные знания — надо с программ институтских.)

В скором будущем надо ждать, очевидно, и частных платных школ, обгоняющих общий подъём всей школы, — для усиления отдельных предметов и сторон образования. Но в тех школах не должно быть безответственного самовольства программ, они должны находиться под наблюдением и контролем земских органов образования.

Упущенная и семьёй и школой, наша молодёжь растёт если не в сторону преступности, то в сторону неосмысленного варварского подражания чему-то заманчивому исчужа. Исторический Железный Занавес отлично защищал нашу страну ото всего хорошего, что есть на Западе: от гражданской неестественности, уважения к личности, разнообразия личной деятельности, от всеобщего благосостояния, от благотворительных движений, — но тот Занавес не доходил до самого-самого низу, и туда подтекала навозная жижа распущенной опустившейся «поп-масс-культуры», вульгарнейших мод и издержек публичности, — и вот эти отбросы жадно впитывала наша обделённая молодёжь: западная — дурит от сытости, а наша в нищете бездумно перехватывает их забавы. И наше нынешнее телевидение услужливо разносит те нечистые потоки по всей стране. (Возражения против всего этого считаются у нас дремучим консерватизмом. Но поучительно заметить, как о сходном явлении звучат тревожные голоса в Израиле: «Ивритская культурная революция была совершена не для того, чтобы наша страна капитулировала перед американским культурным империализмом и его побочными продуктами», «западным интеллектуальным мусором».)

Уже всё известно, писалось не раз: что гибнут книжные богатства наших библиотек, полупустуют читальни, в забросе музеи. Они-то все нуждаются в государственной помощи, они не могут жить за счёт кассовых сборов, как театры, кино и художественные выставки. (А вот спорт, да в расчёте на всемирную славу, никак не должен финансироваться государством, но — сколько сами соберут; а рядовое гимнастико-атлетическое развитие даётся в школе.)

Приходится признать: весь XX век жестоко проигран нашей страной: достижения, о которых трубили, все — мнимые. Из цветущего состояния мы отброшены в полудикарство. Мы сидим на разорище.

Сегодня у нас горячо обсуждается: какое государственное устройство нам отныне подходит, а какое нет, — а этим, мол, всё и решится. И ещё: какая б новая хлёткая партия или «фронт» нас бы теперь повели к успехам.

Но сегодня воспрять — это не просто найти удобнейшую форму государственного строя и скороспешно сочинить к нему замечательную конституцию, параграф 1-й, параграф 45-й. Надо оказаться предусмотрительней наших незадачливых дедов-отцов Семнадцатого года, не повторить хаос исторического Февраля, не оказаться снова игрушкой заманных лозунгов и захлѣбчивых ораторов, не отдаться ещё раз добровольно на посрамление.

Решительная смена властей требует ответственности и обдуманья. Не всякая новозатеищина обязательно ведёт прямо к добру. Наши несравненные в 1916 году критики государственной системы — через несколько месяцев, в 1917, получив власть, оказались совсем не готовы к ней и всё загубили. Ни из чего не следует, что новоприходящие теперь руководители окажутся сразу трезвы и прозорливы.

Вот, в кипении митингов и нарождающихся партиек, мы не замечаем, как натянули на себя балаганные одежды Февраля — тех злоключных восьми месяцев Семнадцатого года. А иные как раз заметили и с незрячим упоением восклицают: «Новая Февральская революция!» (Для точности совпадения высунулись уже и чёрные знамена анархистов.)

После людожорской полосы в три четверти века, если мы уже так дорого заплатили, если уж так сложилось, что мы оказались на том краю государственного спектра, где столь сильна центральная власть, — не следует нам спешить опрометчиво сдвигаться в хаос: анархия — это первая гибель, как нас научил 1917 год.

Государству, если мы не жаждем революции, неизбежно быть плавно-преемственным и устойчивым. И вот уже созданный статут потенциально сильной президентской власти нам ещё на немалые годы окажется полезным. При нынешнем скоплении наших бед, ещё так осложнённом и неизбежным разделением с окраинными республиками, — невозможно нам сразу браться решать вместе с землёй, питанием, жильём, собственностью, финансами, армией — ещё и государственное устройство тут же. Что-то в нынешнем государственном строе приходится пока принять просто потому, что оно уже существует.

Конечно, постепенно мы будем пересоставлять государственный организм. Это надо начинать не всё сразу, а с какого-то края. И ясно, что: с н и з у, с м е с т. При сильной центральной власти терпеливо и настойчиво расширять права *местной* жизни.

Конечно, какая-то определённая политическая форма постепенно будет нами принята, — по нашей полной политической неопытности скорей всего не сразу удачная, не сразу наиболее приспособленная к потребностям именно нашей страны. Надо искать *свой* путь. Сейчас у нас самовнушение, что нам никакого собственного пути искать не надо, ни над чем задумываться, — а только поскорей перенять, «как делается на Западе».

Но на Западе делается — ещё ой как по-разному! у каждой страны своя традиция. Только нам одним — не нужно ни оглядываться, ни прислушиваться, что говорили у нас умные люди ещё до нашего рождения.

А скажем и так: государственное устройство — второстепеннее самого воздуха человеческих отношений. При людском благородстве — допустим любой добропорядочный строй, при людском озлоблении и шкурничестве — невыносима и самая разливистая демократия. Если в самих людях нет справедливости и честности — то это проявится при любом строе.

Политическая жизнь — совсем не главный вид жизни человека, политика — совсем не желанное занятие для большинства. Чем разма-

пистей идёт в стране политическая жизнь — тем более утрачивается душевная. Политика не должна поглощать духовные силы и творческий досуг народа. Кроме *прав* человек нуждается отстоять и душу, освободить её для жизни ума и чувств.

А САМИ-ТО МЫ — КАКОВЫ?

Источник силы или бессилия общества — духовный уровень жизни, а уже потом — уровень промышленности. Одна рыночная экономика и даже всеобщее изобилие — не могут быть венцом человечества. Чистота общественных отношений — основной, чем уровень изобилия. Если в нации иссякли духовные силы — никакое наилучшее государственное устройство и никакое промышленное развитие не спасёт её от смерти, с гнилым дулом дерево не стоит. Среди всех возможных свобод — на первое место всё равно выйдет свобода бессовестности: её-то не запретишь, не предусмотритишь никакими законами. *Чистая* атмосфера общества, увы, не может быть создана юридическими законами.

Разрушение наших душ за три четверти столетия — вот что самое страшное.

Страшно то, что развёрнувшийся правящий класс — многомиллионная партийно-государственная номенклатура ведь не способна добровольно отказаться ни от какой из захваченных привилегий. Десятилетиями она бессовестно жила за счёт народа — и хотела бы и дальше так.

А из бывших палачей и гонителей — кто хоть потеснён с должностей? с незаслуженного пенсионного достатка? До смерти кохали мы Молотова, ещё и теперь Кагановича, и сколько неназванных. В Германии — всех таких, и куда мельче, судили, — у нас, напротив, они же сегодня грозят судами, а иным — сегодня! — ставят памятники, как злодею-чекисту Берзину. Да где уж нам наказывать государственных преступников? да не дожидаться от них и самого малого раскаяния. Да хоть бы они прошли через публичный моральный суд. Нет, видно поползём и так...

А — славные движущие силы гласности и перестройки? В ряду этих модных слов — нет слова о ч и щ е н и е. И вот в новую гласность кинулись и все грязные уста, которые десятилетиями обслуживали тоталитаризм. Из каждых четырёх трубадуров сегодняшней гласности — трое недавних угодников брежневщины, — и кто из них произнес слово *собственного* раскаяния вместо проклятий безликому «застою»? И с вузовских гуманитарных кафедр поныне самоуверенно вещают всё те же, кто десятилетиями омрачивал студентам сознание. Десятки тысяч образованцев у нас огрязнены лицемерием, переметчивостью, — и мы ни от кого не ждём раскаяния, и весь этот душевный гной пусть так и тянется с нами в будущее?

А — душегубительная казарменная «дедовщина» для наших сыновей? Разве это изгладится когда-нибудь с них?

А всеобщая озлобленность наших людей друг ко другу? — просто так, ни за что. На тех, кто ни в чём не виноват.

Да удивляться ли и взрыву уголовной преступности — среди тех, кому всю их молодую жизнь были закрыты честные пути?

У прежних русских купцов было *купеческое слово* (сделки заключались без письменных контрактов), христианские представления, исторически известная размашная благотворительность, — дождёмся ли мы такого от акул, возвращённых в мутном советском подводьи?

Западную Германию наполнило облако раскаяния — прежде, чем там наступил экономический расцвет. У нас — и не начали раскаиваться. У нас надо всею гласностью нависают гирляндами — прежние тяжёлые, жирные гроздья лжи. А мы их — как будто не замечаем.

Криво ж будет наше развитие.

Хотелось бы подбодриться благодетельными возможностями Церкви. Увы, даже сегодня, когда уже всё в стране пришло в движение — оживление смелости мало коснулось православной иерархии. (И во дни всеобщей нищеты надо же отказаться от признаков богатства, которыми соблазняет власть.) Только тогда Церковь поможет нам в общественном

оздоровлении, когда найдёт в себе силы полностью освободиться от ига государства и восстановить ту живую связь с общенародным чувством, какая так ярко светилась даже и в разгаре Семнадцатого года при выборах митрополитов Тихона и Вениамина, при созыве Церковного Собора. Явить бы и теперь, по завету Христа, пример бесстрашия — и не только к государству, но и к обществу, и к жгучим бедам дня, и к себе самой. Воскресительные движения и тут, как во всей остальной жизни, ожидаются — и уже начались — *снизу*, от рядового священства, от сплоченных приходов, от самоотверженных прихожан.

САМООГРАНИЧЕНИЕ

Самый модный лозунг теперь, и мы все охотно повторяем: «права человека». (Хотя очень разное все имеем в виду. Столичная интеллигенция понимает: свобода слова, печати, собраний и эмиграции, но многие возмущены были бы и требовали бы запретить «права», как их понимает чернонароде: право иметь жилище и работать в том месте, где кормят, — отчего хлынули бы миллионы в столичные города.)

«Права человека» — это очень хорошо, но как бы нам *самим* следить, чтобы наши права не поширились за счёт прав других? Общество необузданных прав не может устоять в испытаниях. Если мы не хотим над собой насильственной власти — каждый должен обуздывать и сам себя. Никакие конституции, законы и голосования сами по себе не сбалансируют общества, ибо людям свойственно настойчиво преследовать свои интересы. Большинство, если имеет власть расширяться и хватать, — то именно так и делает. (Это и губило все правящие классы и группы истории.) Устойчивое общество может быть достигнуто не на равенстве сопротивлений — но на сознательном самоограничении: на том, что мы всегда обязаны уступать нравственной справедливости.

Только при самоограничении сможет дальше существовать всё умножающееся и уплотняющееся человечество. И ни к чему было всё долгое развитие его, если не проникнуться духом самоограничения: свобода хватать и насыщаться есть и у животных. Человеческая же свобода включает добровольное самоограничение в пользу других. Наши обязательства всегда должны превышать предоставленную нам свободу.

Только бы удалось — освоить нам дух самоограничения и, главное, уметь передать его своим детям. Больше-то всего самоограничение и нужно для самого человека, для равновесия и невзмутности его души.

И тут — много внутренних возможностей. Например, после нашего долгого глухого неведения — естественен голод: узнавать и узнавать правду, что же именно было с нами. Но иные уже сейчас замечают, другие заметят вскоре, что сверх того непосильный современный поток уже избыточной и мелочной информации расхищает нашу душу в ничтожность и на каком-то рубеже надо самоограничиться от него. В сегодняшнем мире — всё больше разных газет, и каждая из них всё пухлей, и все наперебой лезут перегрузить нас. Всё больше каналов телепередач, да ещё и днём (а вот в Исландии — отказались от всякого телевидения хоть раз в неделю); всё больше пропагандистского, коммерческого и развлекательного звука (нашу страну ещё и поселе измощают долбящие радиодинамики над просторами), — да как же защитить *право* наших ушей на тишину, право наших глаз — на внутреннее видение?

Размеренный выход из полосы наших несчастий, который Россия сумеет или не сумеет теперь осуществить, — трудней, чем было встряхнуться от татарского ига: тогда не был сокрушён самый хребет народа и не была подорвана в нём христианская вера.

В 1754 году, при Елизавете, Пётр Иванович Шувалов предложил такой удивительный — *Проект сбережения народа*.

Вот чудак?

А ведь — вот где государственная мудрость.

ПОДАЛЬШЕ ВПЕРЁД

Нельзя надеяться, что после нынешнего смутного времени наступит некое «спокойное», когда мы «сядем и подумаем», как устраивать будущее. Исторический процесс — непрерывен, и таких льготных передышек нам никто «потом» не даст, как не дали «сесть и подумать» Учредительному Собранию. И как ни жжёт сегодняшнее — о нашем будущем устройстве всё же надо думать загодя. (Мне же — и возраст мой не даёт уверенности, что я ещё буду участвовать в обсуждении этих вопросов.)

До революции народ наш в массе не имел политических представлений — а то, что за тем пропагандно вбивали в нас 70 лет, вело лишь к одурению. Сейчас, когда мы двинулись к развитию у нас политической жизни, уже обсуждаются и формы будущей власти, — полезно, чтоб избежать возможных ошибок, уточнить содержание некоторых терминов.

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФОРМЕ

Освальд Шпенглер верно указывал, что в разных культурах даже сам смысл государства разный и нет определившихся «лучших» государственных форм, которые следовало бы заимствовать из одной великой культуры в другую. А Монтескье: что каждому пространственному размеру государства соответствует определённая форма правления и нельзя безнаказанно переносить форму, не сообразуясь с размерами страны.

Для *данного* народа, с его географией, с его прожитой историей, традициями, психологическим обликом, — установить такой строй, который вёл бы его не к вырождению, а к расцвету. Государственная структура должна непременно учитывать традиции народа. «Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему» (Иерем. 6 : 16).

Народ имеет несомненное право на власть, но хочет народ — не власти (жажда её свойственна лишь процентам двум), а хочет прежде всего устойчивого порядка. Даже христианский социалист Г.П. Федотов после опыта 1917 года настаивал, что власть должна быть сильной и даже, писал он: не зависеть от совета законодателей и отчитываться перед ним лишь после достаточного срока. (Это, пожалуй, уже и слишком.)

Если избрать предлагаемый далее порядок построения институтов свободы *снизу*, при временном сохранении центральной власти в тех формальных чертах, как она уже существует, — то это займёт у нас ряд лет, и ещё будет время основательно обсудить здоровые правила государственного построения.

О будущем сегодня можно высказываться лишь предположительно, оставляя простор для нашего предстоящего опыта и новых размышлений. Окончательная государственная форма (если она вообще может быть *окончательной*) — дело последовательных приближений и проб.

Платон, за ним Аристотель выделили и назвали три возможных вида государственного устройства. Это, в нормальном ряду: монархия, власть одного; аристократия, власть лучших или для лучших целей; и политейя, власть народа в малом государстве-полисе, осуществляемая в общем интересе (мы теперь говорим — демократия). Они же предупредили о формах деградации каждого из этих видов, соответственно: в тиранию; в олигархию; в демократию, власть толпы (мы теперь говорим — в охлократию). Все три формы могут быть хороши, если они правят для общественного блага, — и все три искажаются, когда преследуют частные интересы.

С тех пор, кажется, никто и не создал практически ничего, что не вошло бы в эту схему, лишь дополняли её формами конституций. И если обминуть ещё полное безвластие (анархию, власть каждого сильного над каждым слабым); и не попасться снова в капкан тоталитаризма, изо-

бретенного в XX веке, то нельзя сказать, чтоб у нас был широкий выбор: по всему потоку современности мы изберём несомненно демократию.

Но выбирая демократию — надо отчётливо понимать, что мы выбираем и за какую цену. И выбираем как средство, а не как цель. Современный философ Карл Поппер сказал: демократию мы выбираем не потому, что она изобилует добродетелями, а только чтоб избежать тирании. Выбираем — с сознанием её недостатков и поиском, как их преодолеть.

Хотя в наше время многие молодые страны, едва вводя демократию, тут же испытывали и крах — именно в наше время демократия из формы государственного устройства возвысилась как бы в универсальный принцип человеческого существования, почти в культ.

Постараемся всё же уследить точный смысл термина.

ЧТО ЕСТЬ ДЕМОКРАТИЯ И ЧТО НЕ ЕСТЬ

Алексис Токвиль считал понятия демократии и свободы — противоположными. Он был пламенный сторонник свободы, но отнюдь не демократии. Дж.С.Милль видел в неограниченной демократии опасность «тирании большинства», а для личности нет разницы, подчинилась ли она одиночному тирану или множественному.

Г.Федотов писал, что демократию искажил атеистический материализм XIX века, обезглавивший человечество. И австрийский государственный деятель нашего века Йозеф Шумпетер называл демократию — суррогатом веры для интеллектуала, лишённого религии. И предупреждал, что нельзя рассматривать демократию вне страны и времени применения.

Русский философ С.А.Левицкий предлагал различать:

дух демократии: 1) свобода личности; 2) правовое государство;

и вторичные, необязательные признаки её: 1) парламентский строй; 2) всеобщее избирательное право. Эти два последних принципа совсем не очевидны.

Уважение к человеческой личности — более широкий принцип, чем демократия, и вот оно должно быть выдержано непременно. Но уважать человеческую личность не обязательно в форме только парламентаризма.

Однако и права личности не должны быть внесены так высоко, чтобы заслонить права общества. Папа Иоанн-Павел II высказал (1981, речь на Филиппинах), что в случае конфликта национальной безопасности и прав человека приоритет должен быть отдан национальной безопасности, то есть целости более общей структуры, без которой развалится и жизнь личностей.

А президент Рональд Рейган (1988, речь в Московском университете) выразил так: демократия — не столько способ правления, сколько способ ограничить правительство, чтоб оно не мешало развитию в человеке *главных ценностей*, которые дают семья и вера.

У нас сегодня слово «демократия» — самое модное. Как его не склоняют, как им не звенят, гремят (и спекулируют).

Но не ощутимо, чтобы мы хорошо задумались над точным смыслом его.

После горького опыта Семнадцатого года, когда мы с размаху хлюпнулись в то, что считали демократией, — наш видный кадетский лидер В.А.Маклаков признал, и всем нам напомнил: «Для демократии нужна известная политическая дисциплина народа».

А у нас её и в Семнадцатом не было — и нынче как бы того не меньше.

ВСЕОБЩЕЕ — РАВНОЕ — ПРЯМОЕ — ТАЙНОЕ

Когда в 1937 Сталин вводил наши маргьшечьи «выборы» — вынужден был и он придать им вид всеобщего-равного-прямого-тайного

голосования («четырёххвостки»), — порядок, который в сегодняшнем мире кажется несомненным как всеобщий закон природы. Между тем и после первой Французской революции (конституция 1791 г.) голосование ещё не было таковым: оставались ограничения и неравенства в разных цензах. Идея всеобщего избирательного права победила во Франции только в революцию 1848. В Англии весь XIX век находились видные борцы за «конституционный порядок» — такой, который бы обеспечивал, чтобы никакое большинство не было тираном над меньшинством, чтобы в парламенте было представлено всё разнообразие слоев общества, кто пользуется уважением и сознаёт ответственность перед страной, — это была задача сохранить устои страны, на которых она выросла. С 1918 сползла ко всеобщему избирательному и Англия.

Достоевский считал всеобщее-равное голосование «самым нелепым изобретением XIX века». Во всяком случае, оно — не закон Ньютона, и в свойствах его разрешительно и усумниться. «Всеобщее и равное» — при крайнем неравенстве личностей, их способностей, их вклада в общественную жизнь, разным возрасте, разным жизненным опыте, разной степени укоренённости в этой местности и в этой стране? То есть — торжество бессодержательного количества над содержательным качеством. И ещё, такие выборы («общегражданские») предполагают *неструктурность* нации: что она есть не живой организм, а механическая совокупность рассыпанных единиц.

«Тайное» — тоже не украшение, оно облегчает душевную непрямоту или отвечает, увы, нуждам боязни. Но на Земле и сегодня есть места, где голосуют открыто.

«Прямое» (то есть депутаты любой высоты избираются прямо от нижних избирательных урн) — особенно спорно в такой огромной стране, как наша. Оно обрекает избирателей *не знать* своих депутатов — и преимущество получают более ловкие на язык или имеющие сильную закулисную поддержку.

Все особенности избирательной системы и способов подсчёта голосов подробнее обсуждались в России комиссиями, партийными комитетами весной и летом 1917, из-за чего Учредительное Собрание и упустило время. И все демократические партии высказались против выборов четырёх-, трёх- или даже двухстепенных: потому что при таких выборах тянется цепочка личного знания кандидатов, избираемые представители теснее связаны со своей исходной местностью, «с местной колокольной», — а это лишало все партии возможности вставлять своих кандидатов из центра. Лидер кадетов П.Н.Милюков настаивал, что только *прямые* выборы от *больших* округов «обеспечат выбор интеллигентного и политически подготовленного представителя».

Кому что нужно.

СПОСОБЫ ГОЛОСОВАНИЯ

Цель всеобщего голосования — выявить Волю Народа: ту истинную Волю, которая будет всё направлять лучшим образом для народа. Существует ли такая единая Воля и какова она? — никто не знает. Но замечательно, что при разной системе подсчёта голосов мы узнаём эту волю по-разному и даже противоположно.

Большинству у нас сейчас не кажется важным, как именно устроена система голосования, а между тем она влияет существенно.

Состязуются в мире по крайней мере три системы подсчета: пропорциональная, мажоритарная и абсолютного большинства.

Пропорциональная система почти не проводится иначе как *по спискам* (разумеется, партийным): в каждом округе (на несколько депутатских мест сразу, так партиям удобнее агитировать и контролировать) от каждой партии предлагается список кандидатов. И отдельный кандидат уже тем лишён личной ответственности перед избирателями, а только — перед партией; избиратели же лишены выбрать сами определённого представителя, кому доверяют, а выбирают только партию. (Различают две под-системы: «связанных списков», когда

избиратель не может переставлять порядок желательности в списке, партия сама отберёт, — такой способ особенно применяется при малой грамотности населения; и под-система «свободных списков», где избиратель может отдать предпочтение кандидатам внутри списка или даже предложить свой список, что, и правда, очень затрудняет технику подсчёта. Есть третий вариант, когда округа делятся на под-округа, лишь с одним именем в каждом, но всё равно затем окружная комиссия производит подсчёт по партиям и, по пропорции, предоставляет места именно партиям, а не лицам. Во всех случаях выбор *лиц* достаётся в основном партиям.)

В 1917 все партии от кадетов до большевиков предпочитали именно этот способ, и при многокандидатных округах. Это усиленно одобрял влиятельный кадет И.В.Гессен: партиям так наиболее удобно организовать и действовать, а «при системе единоличных выборов руководящая роль нередко ускользает из рук партий»; одобрял и всем нам известный В.И.Ульянов-Ленин: он назвал «одним из самых передовых способов выбирать», когда выбираются «не отдельные лица, а партийные представители». Видно, не зря этот способ ему нравился. Пропорциональные выборы по спискам чрезмерно усиливают власть партийных инстанций, составляющих списки кандидатов, и дают перевес большим организованным партиям. И это особенно потому выгодно партиям, что они могут рассовать своих центральных активистов по дальним округам, где те не живут, и так обеспечить их избрание. На этом — чтобы не требовалось от кандидата жить в своём округе — особенно настаивал кадетский съезд летом 1917: это «даёт возможность для ЦК централизовать производство выборов». Да и все другие партии — на том же. Так сказать, *централизованная демократия*.

При пропорциональной системе малые меньшинства обычно могут получить какой-то голос в представительном собрании, но создаётся множество парламентских фракций, и силы распыляются в раздор. Или это толкает партии поправлять своё положение через беспринципные коалиции с изъятиями для своей программы — но лишь бы набрать голосов и захватить правительство. В сегодняшнем мире есть разительные примеры такой государственной слабости и долгих правительственных кризисов.

При мажоритарной системе тоже бывают такие противоестественные компромиссы между партиями, но в виде ещё предвыборных блоков. При этой системе партия (или блок), едва опередившая других, получает подавляющее число мест, а едва позади — полный проигрыш: даже получив 49 % голосов — бывает можно совсем не получить парламентских мест. А при неточном распределении избирательных округов может случиться и так, что мажоритарная система даёт победу меньшинству. Так было, например, во Франции в 1893, 1898, 1902: некоторые победившие депутаты получили меньше голосов, чем побеждённые; в двух последних случаях совсем не были представлены в палате депутатов — 53 % избирателей.

Зато при этой системе создаётся устойчивое правительство.

Вводимая теперь у нас система выборов по абсолютному большинству (для чего возможен 2-й тур) также выталкивает мелкие партии, но даёт возможность торговать голосами между 1-м и 2-м турами.

При системе двух партий, как в Соединённых Штатах, независимые кандидаты ничего не решают, избиратель несёт свой голос одной из двух партий (обе — с сильным партийным аппаратом и богатейшей поддержкой). Не сразу, не всегда в одну избирательную кампанию, но при этой системе общественное недовольство находит выход, однако негативный: только бы сменить вот эту, правящую, партию — без гарантии, что сделают сменщики.

Итак, всего лишь от способа подсчёта голосов может ошеломительно измениться и состав правительства и его программа, выражающая, разумеется, Волю Народа.

Но вообще и всякое голосование, при любом способе подсчёта, — не есть поиск истины. Здесь всё сводится к численности, к упрощённой арифметической идее, к поглощению меньшинства большинством, а это опасный инструмент: меньшинство никак не менее важно для общества, чем большинство, а большинство — может впасть и в обман. «Не следуй за большинством на зло, и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды» (Исход 23 : 2).

К тому ж избирательные кампании при большой численности голосующих, среди незнакомых избирателей, бывают столь суетливы, визгливы, да при частом пристрастии массовых средств информации, что даже отвращают от себя значительную часть населения. Телевидение

хотя и выявляет внешность кандидата, манеру держаться, но не государственные способности. Во всякой такой избирательной кампании происходит вульгаризация государственной мысли. Для благоуспешной власти нужны талант и творчество — легко ли избрать их всеобщим голосованием на широких пространствах? Сама по себе — такая система не понуждает политических деятелей действовать выше своих политических интересов, и даже наоборот: кто будет исходить из нравственных принципов — легко может проиграть.

А. Токвиль, изучая США в XIX веке, пришёл к выводу, что демократия — это господство посредственности. (Хотя чрезвычайные обстоятельства страны выдвигают и в ней сильные личности.)

НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

А уж пройдя избрание — кандидат становится *народным представителем*.

Афинская демократия отвергала всякое «представительство», как вид олигархии. Но она могла себе это позволить при своей малообъёмности.

Напротив, французские Генеральные Штаты в 1789, едва собравшись, провели закон, что отныне каждый депутат есть лишь часть этого коллективного собрания, *которое и есть воля народа*. Тем самым каждый депутат отсекался от своих избирателей и от личной ответственности перед ними.

Наши четыре последовательных Государственных Думы мало выражали собой глубины и пространства России, только узкие слои нескольких городов, большинство населения на самом деле не вникло в смысл тех выборов и тех партий. И наш блистательный думец В. Маклаков признал, что «воля народа» и при демократии фикция: за неё всего лишь принимается решение большинства парламента.

Да и невозможны точные народные наказания своим депутатам на все будущие непредвидимые случаи. И — нет такого импульса, который заставлял бы нынешних избранцев стать выше своих *будущих* выборных интересов, выше партийных комбинаций и служить только основательно понятым интересам родины, пусть (и даже неизбежно) в ущерб себе и своей партии. Делается то, что поверхностно нравится избирателям, хотя бы по глубокому или дальнему смыслу это было для них зло. А в таком обширном государстве, как наше, тем меньше возможность проверять избранцев и тем большая возможность их злоупотреблений. Контрольного механизма над ними нет, есть только возможность попытки отказать в следующем переизбрании; иного влияния на ход государственного управления у народного большинства не остаётся. (А ведь ни при каком другом представительстве — гражданском, коммерческом — поверенные не могут иметь больше прав, чем доверители, и теряют мандат, если выполняют его нечестно.)

Но и так, парадоксально: при той, частой, системе, когда правительство формируется на основе большинства в парламенте, члены этого большинства уже перестают быть независимыми народными представителями, противостоящими правительству, — но всеми силами служат ему и подпирают его, чтобы только оно держалось любой ценой. То есть: законодатели подчинены исполнительной власти.

(Впрочем, принцип *полного* разделения законодательной, исполнительной и судебной власти — не без спорности: не есть ли это распад живого государственного организма? Все три распавшиеся власти нуждаются в каком-то объединяющем контроле над собой — если не формальном, то этическом.)

И ещё: все приёмы предвыборной борьбы требуют от человека одних качеств, а для государственного водительства — совершенно других, ничего общего с первыми. Редок случай, когда у человека есть и те и другие, вторые мешали бы ему в предвыборном состязании.

А между тем «представительство» становится как бы профессией человека, чуть не пожизненной. Образуется сословие «профессиональных

политиков», для кого политика отныне — ремесло и средство дохода. Они лавируют в системе парламентских комбинаций — и где уж там «воля народа»...

В большинстве парламентов поражает — перевес юристов, адвокатов. «Юрократия». (Тем более что законов такое изобилие, их система и юридическая процедура так сложны, что рядовой человек становится не способен защитить себя перед законом и на каждом шагу нуждается в дорогостоящем покровительстве адвоката.)

И ЧЕМ МОЖЕТ ОБЕРНУТЬСЯ

Конечно, демократическая система даёт возможность острого наблюдения за действиями чиновников. Хотя, как ни удивительно, и временные демократии обросли грузной бюрократией.

Однако: и во всеобщих выборах большинство далеко не всегда выражает себя. Голосование часто проявляется вяло. В ряде западных стран больше половины избирателей, и даже до двух третей, — порой вообще не являются голосовать, что делает всю процедуру как бы и бессмысленной. И числа голосующих иногда раскальваются так, что ничтожный перевес достигается довеском от крохотной малозначительной партии — она-то как бы и решает судьбу страны или курс её.

Как принцип это давно предвидел и С.Л. Франк: и при демократии властвует меньшинство. И В.В. Розанов: «Демократия — это способ, с помощью которого хорошо организованное меньшинство управляет неорганизованным большинством».

В самом деле, гибкая, хорошо приработанная демократия умеет лишить силы протесты простых людей, не дать им звучного выхода. Несправедливости творятся и при демократии, и мошенники умеют ускользать от ответственности. Эти приёмы — расплываются по учреждениям демократической бюрократии и становятся неуловимы. Сегодня и из самой старинной в мире демократии, швейцарской, раздаётся тревожное предупреждение (Ганс Штауб): что важные решения принимаются в анонимных и неконтролируемых местах, где-то за кулисами, под влиянием «групп давления», «лоббистов».

И при всеобщем юридическом равенстве остаётся фактическое неравенство богатых и бедных, а значит более сильных и более слабых. (Хотя уровень «бедности», как его сегодня понимают на Западе, много, много выше наших представлений.) Наш государствовед Б.Н. Чичерин отмечал ещё в XIX веке, что из аристократий всех видов одна всплывает и при демократии: денежная. Что ж отрицать, что при демократии деньги обеспечивают реальную власть, неизбежна концентрация власти у людей с большими деньгами. За годы гнилого социализма накопились такие и у нас в «теневой экономике», и срослись с чиновными тузами, и даже в годы «перестройки» обогатились в путанице неясных законов и теперь на старте ринуться в открытую, — и тем важней отначала строгое сдерживание любого вида монополий, чтоб не допустить их верховластья.

А ещё удручает, что рождаемая современной состязательной публичностью интеллектуальная псевдо-элита подвергает осмеянию абсолютность понятий Добра и Зла, прикрывает равнодушие к ним «плюрализмом идей» и поступков.

Изначальная европейская демократия была напоена чувством христианской ответственности, самодисциплины. Однако постепенно эти духовные основы выветриваются. Духовная независимость притесняется, пригибается диктатурой пошлости, моды и групповых интересов.

Мы входим в демократию не в самую её здоровую пору.

ПАРТИИ

Ныне пришло к тому, что мы так же не мыслим себе политическую жизнь без партий, как личную без семьи.

Троцкий за месяц до октябрьского переворота возгласил: «Что такое партия? Это группа людей, которая добивается власти, чтобы иметь возможность выполнить свою программу. Партия, которая не хочет власти, недостойна называться партией».

Конечно, большевицкая партия — это образчик уникальный. Однако само явление партий — древнее, и уже настолько давно было понято, что ещё Тит Ливий написал: «Борьба между партиями есть и всегда будет гораздо худшая беда для народа, чем война, голод, мор или любой другой гнев богов».

«Партия» — значит *часть*. Разделиться нам на партии — значит разделиться на части. Партия как часть народа — кому же противостоит? Очевидно — остальному народу, не пошедшему за ней. Каждая партия старается прежде всего не для всей нации, а для себя и своих. Национальный интерес затмевается партийными целями: прежде всего — что нужно своей партии для следующего переизбрания; если нечто полезное для государства и народа произошло от враждебной нам партии — то допустимо и не поддерживать его. Интересы партий да и само существование их — вовсе не тождественны с интересами избирателей. С. Крыжановский считал, что пороки и даже крушение парламентского строя происходят именно из-за партий, отрицающих единство нации и само понятие отечества. Партийная борьба заменяет где уж там поиск истины — она идёт за партийный престиж и отвоевание кусков исполнительной власти. Верхушки политических партий неизбежно превращаются в олигархию. А перед кем отчитываются партии, кроме своих же комитетов? — такая инстанция не предусмотрена ни в какой конституции.

Соперничество партий искажает народную волю. Принцип партийности уже подавляет личность и роль её, всякая партия есть упрощение и огрубление личности. У человека — взгляды, а у партии — идеология.

Что можно тут пожелать для будущего Российского Союза?

Никакое коренное решение государственных судеб не лежит на партийных путях и не может быть отдано партиям. При буйстве партий — кончена будет наша провинция и вконец заморочена наша деревня. Не дать возможности «профессиональным политикам» подменять собою голоса страны. Для всех профессиональных знаний есть аппарат государственных служащих.

Любые партии, как и всякие ассоциации и союзы, не более того, существуют свободно, выражают и отстаивают любые мнения, на свои средства могут иметь печать, — но должны быть открыты, зарегистрированы со своими программами. (Всякие тайные союзы, напротив, преследуются уголовно как заговор против общества.) Но недопустимо вмешательство партий в производственный, служебный, учебный процесс: это всё — вне политики.

Во всяких государственных выборах партии, наряду с любыми независимыми группами, имеют право выдвигать кандидатов, агитировать за них, но — без составления партийных *списков*: баллотируются не партии, а отдельные лица. Однако выбранный кандидат должен на весь срок своего избрания выбыть из своей партии, если он в таковой состоит, и действовать под личную ответственность передо всей массой избирателей. Власть — это заповеданное служение и не может быть предметом конкуренции партий.

Как следствие: во всех ступенях государственного представительства, снизу доверху, воспрещается образование партийных групп. И, само собой, перестаёт существовать понятие «правлящей партии».

ДЕМОКРАТИЯ МАЛЫХ ПРОСТРАНСТВ

Из высказанных выше критических замечаний о современной демократии вовсе не следует, что будущему Российскому Союзу демократия не нужна. **Очень нужна.** Но при полной неготовности нашего народа к сложной демократической жизни — она должна посте-

пенно, терпеливо и прочно строиться *снизу*, а не просто возглашаться громко и стремительно сверху, сразу во всем объеме и шири.

Все указанные недостатки почти никак не относятся к демократии малых пространств: небольшого города, посёлка, станицы, волости (группа деревень) и в пределе уезда (района). Только в таком объеме люди безошибочно смогут определить избранцев, хорошо известных им и по деловым способностям и по душевным качествам. Здесь — не удержатся ложные репутации, здесь не поможет обманное красноречие или партийные рекомендации.

Это — именно такой объем, в каком может начать расти, укрепляться и сама себя осознавать новая российская демократия. И это — самое наше жизненное и самое наше верное, ибо отстоит в нашей местности: неотравленный воздух и воду, наши дома, квартиры, наши больницы, ясли, школы, магазины, местное снабжение — и будет живо содействовать росту местной нестеснённой экономической инициативы.

Без правильно поставленного местного самоуправления не может быть добропрочной жизни, да само понятие «гражданской свободы» теряет смысл.

Демократия малых пространств тем сильна, что она *непосредственная*. Демократия по-настоящему эффективна там, где применимы *народные собрания*, а не представительные. Такие повелись — ещё с Афин и даже раньше. Такие — уверенно действуют сегодня в Соединённых Штатах и направляют местную жизнь. Такое посчастливилось мне наблюдать и в Швейцарии, в кантоне Аппенцель. Я писал уже об этом в другом месте, не удержусь тут повторить кратко. На городской площади собраны, плотно друг ко другу стоят все имеющие право голоса («способные носить оружие», как предлагал и Аристотель). Голосование — открытое, поднятием рук. Главу своего кантонального правительства, ландамана, переизбрали очень охотно, с явной любовью, — но из предложенных им законопроектов тут же вслед проголосовали против трёх: доверяем тебе! правь нами, — но без э т о г о!

А ландаман Раймонд Брогер в программной речи сказал: Вот уже больше полутысячелетия наша община не меняет существенно форм, в которых она правит сама собою. Нас ведёт убеждение, что *свобода* связана с нашими обязательствами и нашим самосдерживанием. Не может быть свободы ни у личности, ни у государства без дисциплины и честности. Народ — решающий судья во всех важных вопросах, но он не может ежедневно присутствовать, чтоб управлять государством. И поэтому в управлении неизбежна примесь аристократического или даже монархического элемента. (То же говорил и Аристотель.) Правительство, продолжал Брогер, не должно спешить за колеблющимся переменчивым народным голосованием, только бы переизбрали вновь, не должно произносить зазывных речей избирателям, но двигаться против течения. Задача правительства: действовать так, как действовало бы разумное народное большинство, если бы знало всё во всех деталях, — а это становится всё невозможнее при растущих государственных перегрузках. Именно демократическая система как раз и требует сильной руки, которая могла бы государственный руль направлять по ясному курсу.

Демократия малых пространств веками существовала и в России. Это был сквозь все века русский деревенский мир, а в иные поры — городские веча, казачье самоуправление. С конца прошлого века росла и проделала немалый путь ещё одна форма его — *земство*, к сожалению, только уездное и губернское, без корня волостного земства и без обвершения всероссийским. Октябрьский переворот насильственно сломал всякое земство, заменив его *советами*, от самого начала подмятыми компартией. Всей историей с 1918 эти советы опорочены: они никогда не были реальным самоуправлением на каком-либо уровне. Вносимые сейчас робкие избирательные изменения тоже не могут эту форму спасти: она не обеспечивает *местных* интересов с их влиянием через всю структуру снизу вверх. Я полагаю, что «советы депутатов» надо, шаг за шагом, снизу вверх, заменить земской системой.

Много лет занимавшись государственной историей предреволюционной России, я использую тут опыт наших лучших практических деятелей и умов, соединённый с моей посильной разработкой. Разумеется, тот опыт не может быть просто перенесен в сегодняшнюю растерзанную страну, где искажены самые основы жизни, но и без него вряд ли наш подъём произойдёт здоровыми путями.

Я использую тут и предреволюционные русские понятия и выражения, чтобы не строить ещё третий ряд. Какие-то из них жизнь заменит, другие — приживутся.

ЗЕМСТВО

Будем различать четыре ступени его:

- местное земство (некрупный город, микрорайон крупного, посёлок, волость);
- уездное земство (нынешний район, крупный город);
- областное земство (область, автономная республика);
- всероссийское (всесоюзное) земство.

Нам, совершенно отученным от действительного самоуправления, надо постепенно осваивать этот ход, с низших ступеней его. От залётных политиканов храни нас Бог — но иметь политические навыки полезно многим и многим в населении.

Голосование может производиться только за отдельных лиц. В объёме местного земства они, обычно, избирателям хорошо знакомы. Избирательные кампании желательны самые скромные и краткие: лишь деловое оповещение о личных программах, биографиях и убеждениях; на эту процедуру не должны тратиться никакие государственные средства, а местные — по усмотрению местных сил. Также и многие подробности процедуры должны решаться на местах, и они могут весьма различаться от местности к местности.

Но всеобязательны должны быть:

1) **Ценз возрастной.** Какого возраста должен достичь избиратель, чтобы быть допущенным к решению народной судьбы? В наше время незрелая юность не получает устойчивого воспитания ни в семье, ни в школе, поверхностно нахватана в образовании и порой шатка к самым безответственным влияниям. Не следует ли повысить порог до 20 лет? (По суждению местностей или национальных областей этот возраст может быть установлен и выше.) А быть избранным — лишь с 30 лет? с 28?

2) **Ценз оседлости.** И избиратели, и тем более избираемые должны быть укоренены в данной местности, тесно связаны с её интересами, основательно их понимать; недавние приезжие или вовсе случайные — не могут тут иметь ответственности суждения. Для избирателей оседлость не должна бы быть меньше трёх последних полных, без существенного перерыва, лет. (Каждая местность может устанавливать у себя и выше.) Для избираемых — не меньше пяти последних лет (или, допустим: три последних года непрерывно плюс пять лет в прежнее время).

В местное земство избирается какое-то число законодателей («гласных»). Они утверждают административных лиц, постоянно ответственных перед ними в своей деятельности. В волости, малом посёлке это может быть всего один человек. На уровне уезда это: уездная земская управа, которую выделяет из себя или набирает из специалистов уездное земское собрание.

Новоизбранные — перенимают власть от существующих местных и районных советов депутатов, а те упраздняются.

Выборы в местное земство — только прямые, выборы в уездное — зависят от размеров уезда и надёжной всеизвестности кандидатов. При значительной территории и густоте населения — надёжнее применить двухстепенные выборы: местные земства тотчас же заменяют собой местные советы, работают половину своего срока, а затем, сознаясь в

себе, выделяют из себя пропорциональную долю в уездное земское собрание до конца срока, до следующих выборов. (На эти полсрока продолжается существование прежнего райсовета и райисполкома.)

На первый избирательный срок (2 года?) ничто выше уездного земства не избирается. При нашей политической неумелости — местное и уездное земство в ходе практического управления своею местностью станут и школой управления, и в них начнут проявляться и формироваться деятели, способные к более широкому охвату. Убеждает и пример недавних шахтёрских забастовочных комитетов и «союзов трудящихся», проявивших такое сознание и такую организованность.

СТУПЕНИ ПЕРЕДАЧИ ВЛАСТИ

При географической обширности и бытовых условиях нашей страны прямые всегосударственные выборы законодателей в центральный парламент не могут быть плодотворны. Только выборы трёх-четырёхстепенные могут провести кандидатов и уже оправдавших себя и укоренённых в своих местностях. Это будут выборы не отдалённых мало-знакомых людей, только и пофигурявших в избирательной кампании, но выборы по взаимному многолетнему узнаванию и доверию.

В конце первого (или даже второго) избирательного срока проводятся выборы третьей ступени: областного земского собрания. Их производят уездные земские собрания (и земское собрание областного города): из своей изученной среды выделяют отведенную им для области пропорциональную долю на весь следующий срок; сами же после этого подвергаются очередному переизбранию.

Составленное так областное земское собрание тут же заменяет собой облсовет, вместо облисполкома формирует для исполнительных действий областную земскую управу, само же, в долготу принятого избирательного срока, собирается только на очередные сессии, а в промежутках члены собрания живут в своих уездах. (После того как вся система станет работать устойчиво, сам избирательный срок может быть повсюду удлинён.)

Тут следовало бы не опустить совета нашего выдающегося земца Д.Н.Шишова: дабы исправить возможные упущения от выборных случайностей, каждое собрание имеет право не голосованием, а при полном согласии приобщать в свой состав, не более пятой части от своего объёма, всем известных полезных и необходимых местных деятелей. В предстоящих условиях это даст и путь некоторым успешным деятелям райсоветов, облсоветов, затем и Верховного Совета — быть плавно принятыми в состав новой власти.

Чем авторитетнее будет областное земство — тем, соответственно, сильнее самостоятельность и самопопечение автономных национальных республик и областей.

Не берясь тут предугадывать роль и место нынешних Верховных Советов Российской Федерации, Украины и Белоруссии — естественно предложить, чтобы в конце следующего срока областные земские собрания выделили бы из себя делегатов в Палату Союза (заменяющую Совет Союза) Всеземского Собрания (заменяющего Верховный Совет депутатов), а сами были бы по тому же принципу переизбраны уездными собраниями.

Нынешняя система равномошных палат Совета Союза и Совета Национальностей совсем не плоха, если бы выполнялась без показности и без мошенничества. Палата Национальностей могла бы остаться во Всеземском Собрании вообще без изменений — только с тем простором для каждой нации, что отведенные ей места она сама решает, каким порядком замещать: общими выборами или полномочиями по достоинству, и на какие сроки.

Существующий сегодня Совет Союза составлен по смутному, смешанному принципу: частью территориальным голосованием, частью делегированием от КПСС и от организаций. Это — неприемлемо даже и на переходный (4-х? 6-летний?) период и должно быть как-то исправлено.

Кроме того, он неуклюж и огружен ещё и Съездом депутатов, от чего законодательная работа только двоятся и усложняется.

Успешное построение земской системы, завершаемой Всеземским Собранием, требует, чтобы поработали и набрались опыта уездные и областные собрания и областяне, хорошо узнав друг друга, могли бы выделять во Всеземское Собрание делегации (либо постоянные на долготу срока, либо посменные на часть его), в которых областной опыт сливался бы со всероссийским и всегда надёжно был бы представлен в нём. Парламент не может быть отвлечённо «центральным»: он должен состоять из реальных и авторитетных представителей областей, да ещё с непременным условием, чтобы они определённую заметную часть года жили в своей местности, не то теряют право представлять её. (Это — и в Соединённых Штатах так.)

СОЧЕТАННАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ

Имеется в виду разумное сочетание деятельности централизованной бюрократии и общественных сил.

Такое сочетание бывало периодами и в Московской Руси: местное самоуправление вело не только местные дела, но и часть общегосударственных, однако под надзором центральной власти.

В 1899 С.Ю.Витте ложно-доказательным рассуждением, что самодержавие якобы несовместимо с широким местным самоуправлением, удержал Николая Второго от расширения прав земств. (Вскоре вслед Л.Тихомиров, народовец, ставший монархистом, опроверг это рассуждение, но не был услышан.)

Централизованная бюрократия инерционно старается ограничить области общественного самоуправления. Но это нужно лишь самой бюрократии, а никак не народу, да и не правительству. В здоровое время у местных сил — большая жажда деятельности, и ей должен быть открыт самый широкий простор. Как формулировал Тихомиров: во всём, где общественные силы и сами способны поддерживать общеобязательные нормы, действие правительственных учреждений излишне и даже вредно, так как без нужды расслабляет способность нации к самостоятельности. Повсюду, где допустимо прямое действие народных сил — в форме ли местного самоуправления или деятельности ещё каких-то отдельных общественных ассоциаций, союзов, — это прямое действие должно быть им открыто.

Кроме того, этот общественный подпор незаменим для контроля над государственно-бюрократической системой и заставляет любого там чиновника служить честно и поворотливо.

Такую сочетанную систему, деловое взаимодействие администрации правительственной и администрации местных самоуправлений, Д.Шипов называл *государственно-земским строем*.

Но особое соотношение сложится в нынешний переходный, и может быть не столь краткий, период. Пока общественные силы будут медленно нарастать снизу, набираться государственного опыта, растить свои кадры — существующая бюрократия, привыкшая к бесконтрольному всевластию, будет упираться и всячески не уступать своих прав. Однако неизбежно резкое сужение их от возникновения хозяйственной самостоятельности в стране. Кроме того, в нынешних свежееизбранных, переходных советах уже показывают себя конструктивные силы, которые помогут этому расширению общественной самостоятельности.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ О ЦЕНТРАЛЬНЫХ ВЛАСТЯХ

Сегодня президентская власть — никак не лишняя при обширности нашей страны и обилии её проблем. Но и все права Главы Государства, и все возможные конфликтные ситуации должны быть строго предусмотрены законом, а тем более — порядок выбора президента. Подлинный авторитет он будет иметь только после всенародного из-

брания (на 5 лет? 7 лет?). Однако для этого избрания не следует растрачивать народные силы жгучей и пристрастной избирательной кампанией в несколько недель или даже месяцев, когда главная цель — опорочить конкурента. Достаточно, если Всеземское Собрание выдвигает и тщательно обсуждает несколько кандидатур из числа урождённых граждан государства и постоянно живших в нём последние 7–10 лет. В результате обсуждений Всеземское Собрание даёт по поводу всех кандидатов единожды и в равных объёмах публичное обоснование и сводку выдвинутых возражений. Затем всенародное голосование (в один-два тура, по способу абсолютного большинства) могло бы производиться без напряжённой изнурительной избирательной кампании. (Очевидно разумно, по американскому образцу, предусмотреть и должность вице-президента: его кандидатуру называет для себя кандидат в президенты, и они выбираются вместе.)

Если в течение срока избрания Всеземское Собрание тремя четвертями в каждой палате признаёт, что президент исполняет свои обязанности неудовлетворительно, оно должно опубликовать доказательные соображения о том — и они выносятся на народное голосование, как и возможные новые кандидаты. Напротив, если по истечении срока президентства Всеземское Собрание двутретним большинством в каждой палате продолжает поддерживать этого президента — нет видимых причин не оставить его на следующий срок без нового народного голосования. Если президент умрёт во второй половине своего срока — вице-президент заступает его пост до конца срока; если в первой половине — всенародные выборы проводятся заново.

Президент назначает совет министров по своему усмотрению, предпочтительней — из специалистов, принятых на основании конкурса и в качестве государственных служащих; не желательно — из членов законодательных палат. Министры отчитываются как перед президентом, так и перед обеими палатами, но ими не могут быть смещены. (Можно не упустить из предсмертной программы П.А.Столыпина: двухтрёхлетняя Академия для занятия высших государственных должностей из наиболее способных, отлично окончивших институты, с открытыми мотивированными общественными или персональными рекомендациями; в Академии — факультеты по профилю министерств. Среди министерств Столыпин выделял министерство местных самоуправлений — в помощь им.)

По определению нашего правоведа В.В.Леонтовича: правительство отличается от администрации (бюрократии) тем, что решает *новые* задачи, а администрация — старые, установившиеся. Соответственно — и требуемый высокий ранг квалификации министров; если же правительство само отдастся бюрократизации, то оно потеряет способность вести страну.

Но и вся работа в административной системе должна никак не быть ни наградой, ни привилегией, не приносить никаких личных преимуществ. «Плодотворно только то правительство, которое видит в себе не что иное, как обязанность», — писал М.Н.Катков. А после всего, пережитого нами, всякая *власть* как понятие — уже в неизбывном долгу перед народом. Чтобы теперь исправлять и нагонять всё разваленное — правительственные учреждения должны отдавать все силы, возможно иметь удлинённый рабочий день.

Мы — почти ни в чём не можем копировать Швейцарию: и по размеру её, и оттого что она создалась как союз независимых кантонов. Но несомненно можем перенять у неё: при определённом числе тысяч подписей — вносится законопроект, который палаты обязаны рассмотреть; при другом, большем числе (у нас — миллионов) — становится обязательным плебисцит по выдвигаемому вопросу. Эта законодательная инициатива масс добавляет гибкости в государственную жизнь.

Кроме таких плебисцитов и редких выборов президента — никакие более всенародные голосования не стали бы нужными.

СОВЕЩАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Добавляю эту главу никак не к сегодняшнему моменту, — но, мне кажется, весьма важную для нашего отдалённого государственного будущего.

Вспоминая свой богатый думский опыт, В. Маклаков выделял: самые прочные успехи демократии достигаются не перевесом большинства над меньшинством, а — соглашением между ними. Для страны с политической неопытностью он даже предлагал создавать *третью палату* парламента «из опытного и культурного меньшинства»: создание такой преграды будет мешать свободному разливу демократии, но для неё самой менее опасно, чем неограниченная власть большинства.

Делая и ещё шаг в этой мысли: очевидно, надо искать форму государственных решений более высокую, чем простое механическое голосование. Всё отдавать на голосование по большинству — значит устанавливать его диктатуру над меньшинством и над *особыми мнениями*, которые как раз наиболее ценны для поиска путей развития.

Высокий уровень деятельности всех государственных властей недостижим без установления над ними этического контроля. Его могла бы осуществлять верховная моральная инстанция с совещательным голосом — такая структура, в которой голосование почти вообще не производится, но все мнения и контрмнения солидно аргументируются, и это — наиболее авторитетные голоса, какие могут прозвучать в государственной работе.

В нашей истории для того есть прочное подобие: Земский Собор в Московской Руси. Как писал Д.Шипов: когда у нас собирались Земские Соборы, то не происходило борьбы между Государем и Соборами, и неизвестны случаи, когда бы Государь поступил в противность соборному мнению: разойдясь с Собором, он только ослабил бы свой авторитет. Соборность — это система доверия; она предполагает, что нравственное единство — возможно и достижимо.

Такому плану идеально могла бы соответствовать Дума (Соборная Дума? Государственная Дума?), собранная как бы от народной совести — из авторитетных людей, проявивших и высокую нравственность, и мудрость, и обильный жизненный опыт. Но — никак не видно несомненного метода отбора таких людей.

Известным заменителем могла бы быть Дума, составленная от социальных слоев и профессий, можно сказать — от *сословий*. (По Далю, первое значение этого слова: люди общего им занятия, одних прав; второе: состояние, разряд, каста.)

Это два самых естественных принципа взаимодействия и сотрудничества людей: по общей территории, на которой они живут; и по роду их занятий, направлению их деятельности. Мы каждый имеем свою работу, специальность, и тем получаем полезное место в структуре общества. Обезличенное полное равенство людских выражений — есть энтропия, направление к смерти. Общество живо именно своею дифференциацией. Несут на себе государство — те люди, которые думают, работают и создают всё, чем живёт страна. Чем лучше нация организована в социальных группах, тем явственней проступают её творческие силы (Л.Тихомиров).

В рассвобождённом нашем обществе с годами несомненно разрабатываются и сплотятся жизнедеятельные сословия — сословия не в кастовом смысле, а — по профессиям и отраслям приложения труда. Слишком долго у нас всяким делом ведали и руководили те, кто ничего в нём не понимают. Наконец, каждое дело должны вести знающие. А совета по каждому делу никто не даст лучше, чем представители данной специальности. (Сословия, основанные на духовном и деловом сотворчестве людей одной профессии, никак не следует путать с *профсоюзами*. В сословии — ты естественный член уже по одному роду своей работы. Профсоюз — это организация для борьбы за зарплату и материальные выгоды, куда не каждый вступает и не каждого принимают.)

В дополнение к земскому, территориальному представительству могло бы нарасти и действовать представительство сословное. (И часть энергии, непроизводительно растрачиваемой в партиях, направится в конструктивную сословную деятельность.)

Процедуру выборов (или назначения) своих депутатов в Соборную Думу каждое сословие определяло бы само. Они посылают туда (ведущие сословия — и по два) не политических депутатов и не для отстаивания своих политических интересов, а — самых опытных и достойных, кому доверяют общие суждения по роду деятельности своего сословия.

Для удобства сосредоточения работы число членов Думы не должно бы превосходить 200–250 человек. (Сословий может оказаться и больше, но может посылаться один представитель от группы родственных некрупных сословий.)

Мнение без голосования — вовсе не новинка. Например, у горцев Кавказа долго держался порядок не общего голосования, а — «опрос мудрых».

Всякое мнение, суждение или запрос, основательно мотивированное и обращённое более чем половиной Думы к президенту, совету министров, любой из двух палат или к верховной судебной власти, — публикуется. И запрошенная инстанция либо должна принять это суждение в руководство, либо опубликовать в двухнедельный срок мотивировку, по которой запрос отвергается. (В исключительных случаях военной тайны обмен происходит не публично; но члены Думы и в этом случае вправе получить любую нужную информацию о президентской, правительственной, законодательной или судебной деятельности.)

Так же, более чем от половины Думы, может быть выдвинут кандидат в президенты.

Если же суждение Соборной Думы принято без **голосов против** — оно накладывает запрет на любой закон, на любое действие любого учреждения, — и тот закон, то действие должны быть изменены. Таким же путём может быть наложено вето и на любую кандидатуру в президенты.

Добавление совещательной и весьма сведущей Соборной Думы — накладывает на все виды властей умственный и нравственный отпечаток. А возможности улучшить общество одними лишь политическими средствами — невелики.

«Цель общежития — установить между людьми нравственный порядок» (М.М.Сперанский). — «Свобода и законность, чтобы быть прочными, должны опираться на внутреннее сознание народа» (А.К.Толстой). — «Политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной» (В.О.Ключевский).

Право — это минимум нравственных требований к человеку, ниже которых он уже опасен для общества. «Во многих случаях то, что является правом, запрещается моралью, которая обращается к человеку с заповедями высшими и более строгими» (П.И.Новгородцев).

Нравственное начало должно стоять выше, чем юридическое. Справедливость — это соответствие с нравственным правом прежде, чем с юридическим.

ДАВАЙТЕ ИСКАТЬ

В этой сжатой работе я не имел возможности говорить об армии, милиции, судебной системе, большинстве вопросов законодательства, экономики и о профсоюзах. Моя задача была лишь — предложить некоторые отдельные соображения, не претендующие ни на какую окончательность, а только предпослать почву для обсуждений.

Разумное и справедливое построение государственной жизни — задача высокой трудности, и может быть достигнуто только очень постепенно, рядом последовательных приближений и нащупываний. Эта задача не угасла и перед сегодняшними благополучными западными странами, надо и на них смотреть глазами не восторженными, а ясно от-

крытыми, — но насколько ж она больней и острее у нас, когда мы начинаем с катастрофического провала страны и разученности людей.

Непосильно трудно составлять какую-либо стройную разработку вперёд: она скорее всего будет содержать больше ошибок, чем достоинств, и с трудом поспевать за реальным ходом вещей. Но и: нельзя вовсе не пытаться.

В основу предлагаемой работы положены мысли многих русских деятелей разной поры — и, я надеюсь, их соединение может послужить плодотворной порослью.

Июль 1990